

Станиславский в опере

П. И. Румянцев,

заслуженный артист республики

Весной 1922 года в небольшом зале старого, сохранившегося после наполеоновского нашествия, дома № 6 в Леонтьевском переулке Оперной студией Большого театра, руководимой К. С. Станиславским, была поставлена опера «Евгений Онегин».

Помнится тот момент, когда мы гурьбой вошли в этот пустой зал во главе с Константином Сергеевичем. В зале было холодно: дом ещё не отапливался, от недавно вымытого пола веяло сыростью. Константин Сергеевич был в шубе. Серебряная голова его светилась на солнце. Мы стояли молча. Вокруг было тихо, и только подвески люстры слабо вздрагивали от проезжавшего по улице грузовика.

— Вот вам и готовая декорация для Онегина, — вдруг сказал Станиславский.

Его увлекало то, что из четырёх колонн, так приятно блестевших от освещения, можно сделать то дом, то уголок спальни Татьяны в антресолях, то беседку в саду, если закрыть колонны зеленым трельяжем.

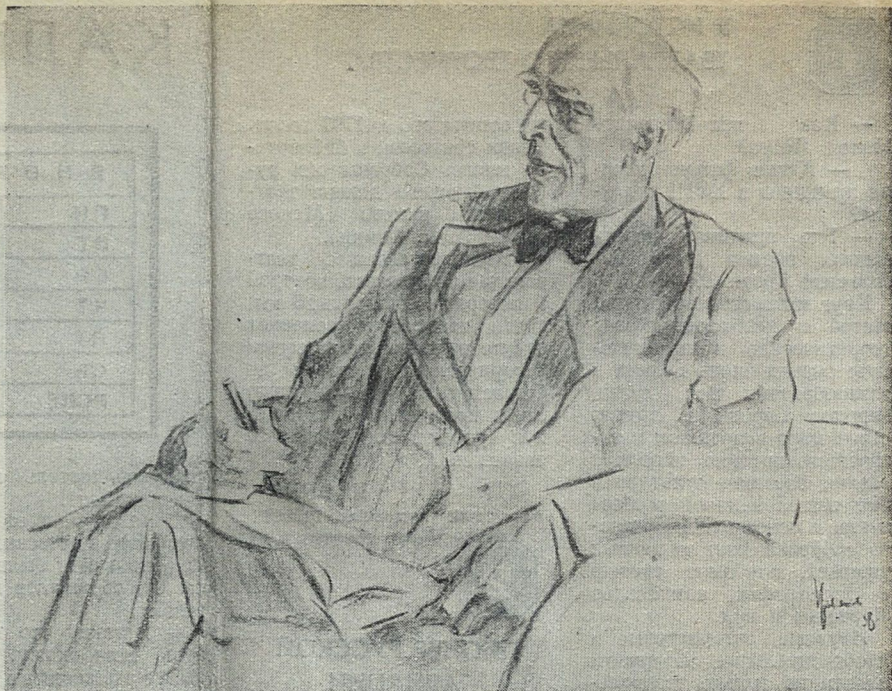
Почти 20 лет мы играли «Онегина» в этих, ставших всем известными четырёх колоннах. Они стали маркой-эмблемой театра. Они неразрывно связались в сознании театральной общественности с представлением о театре Станиславского.

Но иногда слышались голоса, что вообще всё хорошо, а колонны надоедают, нельзя ли поразнообразить. На все эти суждения Константин Сергеевич отвечал решительным отказом, говоря, что если вынуть этот стержень из спектакля — это значит вынуть из него душу, и добавлял полушутливо: «Даже после моей смерти запрещаю изымать колонны из спектакля».

Работа над ларинским балом, который стал шедевром в постановке, была центральной. На балу была занята вся труппа.

Жизнь на ларинском балу начиналась не с вальса, то есть не с бала, а с конца ужина или чая после него, с той атмосферы сытости и лени, когда затихнувшие разговоры делают дальнейшее сидение за столом наскучивающим и тягостным, когда кажется, что празднику приходит уже конец.

Но вот спел Трике и торжественно поднял Татьяне свои стихи, свёрнутые в грубочку и перевязанные розовой лен-

Народный артист СССР К. С. Станиславский.

Рис. Н. Ульянова. 1938 год.

точкой. Татьяна приняла их с реверансом и повела старенького артиста-поздравителя под руку отдохнуть в уютное кресло. Но в гостиной слышится буханье барабана: начинается котильон. Опять — сюрприз. Кавалеры приглашают дам на мазурку.

А среди этого оживления и предыдущих куплетов одна неподвижная фигура, не принимающая никакого участия в окружающем, уже давно обратила на себя внимание зрителей своей унылой задумчивостью. Это Ленский, оставшийся на том месте, где он объяснялся с Ольгой. Его фигура в чёрном фраке среди ситцевой пестроты костюмов провинциальных гостей Лариных указывала зрителю на то, что не всё благополучно на этом балу, хотя никто из участников этого ещё не замечает.

Каждая музыкальная фраза была отдана одной или двум парам. Первой шёл ротный с барышней в розовом платье, второй — Онегин с Ольгой и т. д. Эта сцена развеселившихся, пустившихся в бурный пляс гостей, в том числе и пожилых, потребовала много репетиций. И не на то только, чтобы механически усвоить, с кем и с какой стороны стола персонаж побежит с прискоком и прыжкой в гостиную плясать, а найти в себе те приспособления, которыми каж-

дый мог бы выразить предельную степень своего веселья и радости.

«Мягкая улыбка должна сопровождать весь ларинский бал до ссоры, — говорил Константин Сергеевич. — Нужна простая, милая деревенская атмосфера немножко чудаковатых, но безыскусственных, простосердечных людей. Помните, что вы играете Пушкина, а не Гоголя. Он не издевается над своими персонажами, как бы смешны и чудаковаты они ни были. Пусть каждый из гостей: помещиков, кумушек, девиц, — играя, думает о той общей атмосфере, в которой он живёт... Но делайте это всё в безукоризненном ритме, смакуя его, купаясь в нём. Не пропускайте ни одной восьмушки из оркестра мимо себя. Оркестр — суфлёр ваших чувств!»

Константин Сергеевич приходил на репетицию всегда бодрый, свежий, как бы праздничный.

И, может быть, на закате его славной театральной деятельности это было его последним театральным увлечением, переносившим его в дни далёкой театральной юности. Незадолго до смерти он опять вернулся к работе с новой молодёжью в Оперно-драматической студии, но его здоровье уже не позволило принять ему такое участие, как во время создания «Онегина».

Бал у Лариных — сцена из «Евгения Онегина» в постановке К. С. Станиславского.